

А. Л. ПАРВУС

По тюрьмам во времена революции

<Фрагмент>

<...>¹

В это время я заметил в углу тов. Троцкого, который стоял, нагнувшись над каким-то узлом. Я поспешил к нему и схватил его за руку. «Троцкий?» Мы обнялись и поцеловались.

Он заметно поправился в тюрьме. После столь прекрасных, но и столь утомительных ноябрьских дней — днем в редакции, в бесчисленных заседаниях Совета Рабочих Депутатов, продолжавшихся до 3 часов ночи и позже; по воскресеньям — на агитационных митингах на заводах и под открытым небом — после всей этой кипучей деятельности, требовавшей страшного напряжения нервов, он в тюрьме отдохнул. На лице снова появилась краска. Однако этот синевато-красный оттенок мне не совсем понравился. В нем было что-то лихорадочное, свидетельствовавшее о слишком возбужденных нервах.

У нас много было что рассказать друг другу. Я рассказывал о декабрьской борьбе, он — о замечательном заседании Совета рабочих депутатов 2 декабря. За оживленной беседой — сначала в тюремной конторе, а затем на пути в крепость, куда нас повезли в одном экипаже, — мы перестали обращать внимание на все, что происходило вокруг нас. Мы обзревали нашу деятельность в «Начале» и в «Русской газете», вспоминали политические планы, которые мы вместе продумали, и подводили итог им. Неужели это был конец? Нет, ни в коем случае. Революция находилась еще в полном ходу. Конституционалистам-демократам

не удастся остановить ее — в этом были мы уверены. Если они вздумают предаться правительству, что неминуемо связано с изменой демократии, то они потеряют поддержку народа, настроение которого достаточно определенно выразилось на выборах. Они, таким образом, поработали бы для нас и в конце концов должны были бы уступить народному возмущению. Если же они вступят в резкую оппозицию к правительству, то они таким образом превратят Государственную думу в центр революционной агитации — за этим неминуемо последует разрыв с правительством и, как дальнейшее следствие, — революционное народное восстание.

Троцкий полагал, что первая Государственная дума просуществует лишь очень короткое время; быть может, ее разгонят в первый же день, как она соберется, или же не дадут ей собраться совсем. Мне казалось более вероятным, что правительство сделает сначала попытку сойтись с Государственной думой. Нам предстояло бы, таким образом, пережить еще одну либеральную эру, во время которой революционные народные массы должны будут пройти известную политическую школу и сорганизоваться. И в этом случае неминуемо должен будет наступить разрыв с правительством и в конечном результате также революционное народное восстание. Однако я допускал также возможность немедленного разгона Государственной думы.

Ни правительство, ни Государственная дума не были в состоянии разрешить те великие социальные проблемы, которые поставила на очередь революция. В этом заключалась главная сторона вопроса при всех случаях. Революция повелительно шла своим чередом, и ничто не могло больше задержать ее. Она могла бы кончиться лишь тем, что из сил, которые она привела в движение, выработалась бы одна господствующая, которая определила бы дальнейшее направление исторического процесса. Но для этого требовалось еще много времени.

Если нас не освободит политическая амнистия, то это сделает революционный народ. Чем позже мы выйдем из крепости, тем больше будет триумф, с которым это совершится.

— Троцкий, когда мы выйдем на свободу, мы должны встретиться в тот же вечер, и на следующий день должна уже выйти рабочая газета. Мы останемся работать вместе.

— Ничего другого я так сильно не желаю.

Мы приближались к крепости. Уже видны стали большие ворота, ведущие в нее. С своей стороны, справа, я прочел большими буквами число 47.

— Троицкий, адрес 47, что вы видите с своей стороны?

— Семнадцать.

Итак 1747. Это был год постройки крепостных стен. Крепости, следовательно, уже более полутора столетия. Сколько подавленных страданий скрывает она в своих стенах?

Мы проехали вторые ворота. После этого путь наш довольно долго шел по широкому шоссе, окруженному с обеих сторон тенистыми аллеями из деревьев. Затем мы проехали по боковым путям мимо казарм, сараев и других строений. Крепость раскрывалась перед нами в таких размерах и таком разнообразии, что она показалась нам целым городком. Наконец экипаж наш остановился перед железными решетчатыми воротами. За воротами виднелось низкое двухэтажное здание. Перед ним на скамейке сидело несколько жандармов. Это была наша тюрьма.

Первым отвели Троицкого. Мы нежно попрощались и крепко пожали друг другу руки. «До свидания!» Сердце у меня сжалось. Мне казалось, что с этим прощанием обрывается последняя нить, связывавшая каждого из нас с внешним миром. Нечто подобное должен испытывать человек, начинающей долгое морское путешествие. Последнее пожатие руки... еще чувствуешь его в своей руке, а огромное чудовище уже задвигалось, водная громада все больше и больше отделяет тебя от родных и друзей, они у тебя еще перед глазами, но они уже для тебя недостижимы, их голоса замирают, и вскоре морская ширь оторвет тебя от мира, которому ты принадлежишь всем своим существом.

<...>

